

ОЛЕГ УСЕНКО,
кандидат исторических наук

ТЕРПИ, КАЗАК...

[иллюстрация]

Поиск демократических начал на Руси часто сопряжён с негативным отношением к демократии представительной (даже к самой идее такой формы управления). На щит всячески поднимается лишь непосредственная демократия, когда решения принимают те, кто и будет их выполнять. Подобные взгляды наиболее характерны для российского казачества. При этом казаки не ограничиваются восстановлением своей организации, созывами «кругов» и выборами атаманов и есаулов. Они стремятся возродить весь комплекс казачьих традиций. И вот уже кое-где, наряду с милицией или даже вместо неё, за порядком следят казачьи разъезды, решением станичных «кругов» изгоняются «чужаки», а плеть становится официальным средством борьбы за общественную нравственность. Улучшение жизни связывается с возвратом к прошлому, а переход к демократии видится как возрождение древних форм казачьего самоуправления. Так может ли казацкое общежитие быть образцом демократического общества? И всегда ли непосредственная демократия лучше представительной?

За ответом обратимся к истории Войска Донского. Как самостоятельное государственное образование оно возникло в середине XVI века, а потеряло свою независимость и стало частью Российской империи во второй четверти XVIII века. Стало быть, тому, кого интересует период «народоправства» среди донских казаков, нужно изучать их жизнь в XVII веке¹.

В это время Войско Донское представляло собой автономную военно-политическую организацию с весьма сложной социальной структурой, построенной по иерархическому принципу. Все жители Дона делились на две категории: полноправное и неполноправное население.

Всей полнотой прав и обязанностей на Дону обладали собственно казаки. Таковыми считались лица православного вероисповедания, достигшие совершеннолетия, входящие в структуру войсковой организации (т. е. зачисленные в «десяток» и «сотню» — низшие подразделения казачьего войска) и участвующие в походах и «кругах» (собраниях, на которых избирались атаманы и есаулы, делились трофеи и царское жалованье, вершился суд и т. д.). Остальные жители Дона, не отвечающие данным требованиям, во всём подчинялись казакам и зависели от них.

Внутри собственно казачества существовало множество прослоек со своими правами и обязанностями. Во-первых, донские казаки делились на «низовых» и «верховых». Последние жили севернее Голубинского городка — по верхнему течению Дона и по его притокам. Низовыми считались казаки, жившие к югу от Голубинского городка вплоть до Черкаска — столицы Войска Донского. Причём такое деление было не только территориальным, но и психологическим. Низовые казаки смотрели на верховых свысока, считали себя своеобразной гвардией Войска Донского, «первыми среди равных». Это связано с тем, что первые казачьи городки возникли в низовьях Дона; именно там располагалось историческое ядро Войска Донского².

В свою очередь, среди низовых казаков имелась элита — жители Черкаска. В документах они величались «Главным войском»: там находился верховный орган управления — «Войсковой круг».

Различия среди казаков были связаны и с дележом царского жалованья. Вплоть до конца XVII века казакам запрещалось пахать землю, вследствие чего «вольный Дон» частенько испытывал нужду в продовольствии. Помимо свинца, пороха, селитры и денег московское правительство вынуждено было слать на Дон зерно или муку. Но делилось «государево жалованье» отнюдь не между всеми казаками. Например, в 1683 году денежное жалованье получили 7000 казаков, а спустя

с. 22

---

6 лет присланный хлеб делили между собой уже 5300 человек (каждому причиталось по 9 пудов)³. Однако в конце XVII века казаков было гораздо больше — около 17000, при общей численности донского населения в 28—30 тысяч человек. Львиная доля «государева жалованья» доставалась низовым казакам, и прежде всего черкасским. Из верховых казаков, как правило, долю получали атаманы, их помощники и те казаки, что в момент дележа находились в Черкасске на службе.

По своему служебному положению различались: рядовые казаки; станичные атаманы и старшины; войсковые атаманы и старшины. Звание «старшина» впервые упоминается в источниках середины XVII века. Первоначально так именовались атаманы, покинувшие свой пост, но сохранившие авторитет среди казаков, помощники атамана — как бывшие, так и ныне действующие (есаулы, сотники, писари, знаменщики и др.), а также казаки, не занимавшие руководящего поста, но имевшие большой вес в обществе и потому входившие в число советников атамана⁴. Постепенно «старшинами» стали звать и родственников указанных лиц, это звание стало фамильным и наследственным — неким подобием дворянского титула. К концу XVII века сложилась традиция, согласно которой атаманы всех уровней, а также их окружение избирались, как правило, из числа таких вот «титулованных особ». Исключения, конечно, были, но касались только низших командирских постов.

В источниках жизни Войска Донского в XVII — начале XVIII века зафиксировано противопоставление «старых» казаков «молодым». Под «стариками» чаще всего разумелись атаманы и старшины, в отличие от рядовых казаков — «молодых людей». Во второй половине XVII века эта система дополнилась разделением на «старожилых» и «новопришлых» казаков.

«Старожилыми» звались те, кто родился на Дону в казачьей семье («природные», «коренные» казаки) или же были казаками в первом поколении, но прожили на Дону значительный срок (не менее 10 лет, судя по источникам начала XVIII века)⁵. Больше всего «старожилых» было в низовых городках. Именно они составляли большинство среди «жалованных» казаков и командирского корпуса. Авторитет и социальный статус человека напрямую зависел от срока его пребывания на Дону.

Важнейшим фактором было и имущественное положение. Для того чтобы стать полноправным казаком, нужно было обзавестись не только конём, оружием и амуницией, но и семьёй, домом, хозяйством. Казаки, обладающие таким имущественным цензом, назывались «добрыми», «справными». Во второй половине XVII века выделилась категория «домовитых» казаков, которые занимались торговлей, ростовщичеством, скотоводством, добычей соли и широко использовали наёмную рабочую силу. Все они владели обширными состояниями, среди них были не только представители «старшины», но и формально рядовые казаки (разумеется, «старые»).

Наконец, в источниках XVII — начала XVIII века упоминаются «знатные» («значные») и «лучшие» («лутчие») казаки. «Знатными» назывались наиболее авторитетные, известные всему Войску лица — известные своими подвигами, богатством или же официальной

должностью. Так именовались наиболее зажиточные из «домовитых» и представители высшей администрации Войска Донского (войсковые старшины).

«Знатные» казаки составляли и ядро «лучших». Однако в число последних включались и второразрядные «домовитые» казаки, и некоторые из рядовых — наиболее достойные, обладающие большим опытом или каким-либо талантом, а также заслужившие поощрение герои. Для простого казака стать «лучшим» значило иметь право на получение доли из «государева жалованья» или на поездку в составе «станции» (посольства) к царю (что опять-таки было связано с получением дополнительного «жалованья») ⁶.

Неполноправное население Дона в XVII веке в основном состояло из «бурлаков». Так звались беглые, только что осевшие на Дону. Не имея средств к существованию и крыши над головой, они нанимались к зажиточным казакам, зачастую довольствуясь лишь тем, что получали кров и пищу. «Бурлаки» варили соль, ловили рыбу, занимались ремеслом или работали по хозяйству. Многие из них нанимались грузчиками и гребцами на торговые суда донских казаков и приезжих купцов.

Ни одним из трёх основных казачьих прав (присутствие на «кругах», постоянная служба в составе Войска, участие в походах) бурлаки не обладали. Более того, в конце XVII века за право осесть на Дону беглые платили казакам не только работой, но и вином, деньгами, имуществом. Нетрудно представить, каково было этим людям — в недавнем прошлом крепостным крестьянам и разорившимся горожанам. На Дону, по их представлениям, был чуть ли не рай земной... Многие беглецы не выдерживали и покидали «вольный Дон». Одни уходили на Волгу — грабить или работать, другие в поисках «воли» шли на Урал, Терек и Кубань, третьи возвращались «в Русь» на прежнее место жительства.

У тех же, кто оставался на Дону, цель жизни была ясна — перейти в категорию казаков. Это зависело от срока жизни «бурлака» на территории Войска Донского, от его материального положения и от его заслуг перед Войском. «Бурлаки», заимевшие коня, военное снаряжение и оружие, могли рассчитывать на участие в походах «за зипунами». Те же, у кого коня не было, могли воевать в пешем строю или служить матросами на судах. По возвращении из похода таким «бурлакам» разрешалось присутствовать на «кругах», но только в качестве наблюдателей, даже без права совещательного голоса. Тем не менее это значило, что они перешли на более высокую ступень — в разряд «голутвенных» казаков («голутвы», «голытьбы»).

Наёмные работники, долгие годы жившие в одной и той же станице (городке), именовались «зажилыми бурлаками». Среди них могли быть как семейные, материально обеспеченные, так и бедняки, живущие по несколько человек в одном «курене» (доме), но успевшие принять участие в походах наряду с казаками. Однако «зажилых бурлаков» не допускали в «круги» и не числили в составе казачьей организации. Другой такой промежуточной категорией между «бурлаками» и «голутвой», только более высокого ранга, были «озимейные» казаки, которых в конце XVII —

с. 23

начале XVIII века именовали также «семейными», «сказочными», «приписными». Не имея права участвовать в «кругах», они тем не менее числились в составе казачьей организации («десятки» и «сотни») и несли постоянную военную службу вместе с «голутвенными» и полноправными казаками. Различия между «предказаками» были весьма условными, и включение человека в ту или иную категорию часто бывало случайным и целиком зависело от настроения окружающих. Столь же условной и субъективной была и грань между «голытьбой» и полноправными казаками. В число последних одни попадали уже года через 2—3 после прихода на Дон, другим на это требовалось 5—7 лет, а третьи и через 10 лет по-прежнему оставались «бурлаками» ⁷.

Внизу социальной лестницы на Дону пребывали рабы («ясырь») — пленные из числа неправославного населения. В XVII веке в рабство попадали главным образом турки, ногайцы, крымские и кубанские татары. В начале следующего столетия донской «ясырь» пополнился пленными шведами, которых привозили с собой казаки, принимавшие участие в Северной войне.

Рабство носило патриархальный характер. Мужчины использовались в качестве слуг или работников на промыслах. Их труд наиболее широко применяли «домовитые» казаки. Что касается рабынь, то они становились служанками и наложницами. Впрочем, некоторые принимали православие и выходили замуж за казаков, что выводило их из рабского состояния. Но если казак разводился с такой женой, она вновь считалась «ясырём» со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Рабская зависимость у мужчин часто была временной — до получения казаком выкупа от родственников или друзей пленного. Если же выкуп по истечении установленного срока не совершался, хозяин «ясыря» мог поступить с ним как угодно — убить, продать раба или же отпустить его на волю. Как правило, невыкупленный «ясырь» или продавался, или оставался работать на своего господина до своей смерти. Примечательно, что казаки не видели в рабстве ничего зазорного. Более того, с конца XVII века «домовитые» казаки уже не спешили получить выкуп за свой «ясырь», а всё шире использовали рабский труд в своём хозяйстве. Рабовладение среди донских казаков существовало вплоть до конца XVIII века, несмотря на все старания правительства искоренить этот архаический пережиток.

Напрашивается вывод: Войско Донское в XVII веке вряд ли было демократической республикой, как утверждают многие историки казачества. Половина донского населения вообще не имела доступа к власти. Но и в среде казачества не всё было благополучно. И дело здесь не только в том, что старшины и «домовитые» постепенно узурпировали право на занятие руководящих постов. Уже в середине XVII века казачьи «круги» потеряли свой демократический характер. Хотя по-прежнему считалось, что все казаки на «кругах» равны, что все они являются носителями власти, руководство «кругами» и решающий голос на них принадлежали всё тем же старшинам и «домовитым». Именно атаман и его окружение решали, какие вопросы и в какой формулировке нужно вынести на утверждение «круга». Именно они (в лице «старых» и «знатных» казаков) выступали на «кругах» первыми, предопределяя тем самым решение казачьего собрания.

Так как казаки обладали неодинаковой властью, то и распределение материальных благ было далеко от совершенства. Ярким примером служит практика «дуванов» — дележа трофеев и жалованья в казачьем «кругу». Мало того, что ежегодное «государево жалованье» было рассчитано лишь на часть казаков, однако и тот, кто его заслуживал, но опаздывал на дележ, ничего не получал⁸. Атаманам, есаулам, сотникам и прочим командирам полагался больший пай, нежели рядовым. В свою очередь, в среде простых казаков больше остальных получали родственники «знатных». А в ряде случаев размер пая у рядового казака зависел даже от того, к какой станице он принадлежит, есть ли кто из этой станицы в составе казачьего руководства — например, в атаманах или «полковниках» того самого отряда, который захватил добычу и теперь её «дуванит»⁹.

Поскольку руководство на «дуванах» принадлежало старшинам, бывали случаи, когда на общий делёж шла не вся добыча. Так, в 1697 году 130 казаков во главе с М. Фроловым (сыном войскового атамана Ф. Минаева) отогнали у кубанских татар табун в 1200 голов, однако на «дуван» в Черкасске было выставлено лишь 500 лошадей¹⁰. Кстати, не был чужд подобной практики и Степан Тимофеевич Разин, выросший, как известно, на Дону. Из трофеев повстанческий атаман получал всё, что ему нравилось, причем не на «дуване», а до него! Не забывали о себе и его ближайшие сподвижники (тоже в основном донские казаки), которые на «дуванах» получали в несколько раз больше, нежели рядовые повстанцы.

Нельзя назвать демократичной и систему центрального управления Войском Донским. На Дону действовал принцип, в соответствии с которым всякое решение, принятое «войсковым кругом», считалось законом и было обязательно к исполнению на всей территории Войска.

При этом не имело значения, сколько человек присутствовало на «кругу» в «Главном войске». Важно, чтобы «войсковой круг» прошёл не где-нибудь, а в Черкасске, и в его работе участвовали войсковые атаман и старшины.

В принципе любой казак, находящийся в столице Войска Донского, мог принять участие в работе «войскового круга». Но, разумеется, все казаки (низовые и верховые) одновременно собраться в Черкасске не могли. Положение усугублялось тем, что «войсковые круги» собирались по мере надобности и, стало быть, весьма часто. Если бы даже от каждого городка присылались делегаты, им пришлось бы постоянно находиться в Черкасске. А на что жить? Ведь никаких налогов казаки не платили... В результате постоянными участниками «войсковых кругов» были только черкасские казаки, большинство которых ходило в ранге «знатных» и «домовитых». Фактически именно казачеству Черкаска принадлежала верховная власть на Дону.

Разумеется, для жителей Войска Донского это не было секретом. Но самое интересное то, что все воспринимали такой порядок вещей как норму, как составную часть «казацкой обычности». И даже если,

---

с. 24

например, «голутвенные» казаки были настроены против старшин (а это случалось, когда не хватало продовольствия и в то же время запрещались походы «за зипунами»), то своё недовольство они выражали, как правило, лишь криками на «кругах» и требованиями «корма». Они по-прежнему подчинялись старшинам¹¹.

В XVII веке право на Дону было неписаным, обычным. Носители обычного права везде и всегда — наиболее уважаемые и опытные члены общества. Не исключение и Войско Донское, где толкование и применение законов находилось во власти старшин и «знатных» казаков. Если говорить современным языком, «старики» на Дону контролировали все ветви власти — законодательную, исполнительную и судебную.

Решение в «кругу» принималось большинством голосов (в буквальном смысле, ибо побеждала та сторона, что громче кричала). Его можно было отменить, созвав хоть на следующий день новый «круг». Но для того, чтобы окончательно склонить чашу весов в свою пользу, мало было собрать побольше сторонников и привести их в «круг». Нужно было ещё и нейтрализовать противников (желательно навсегда, чтобы они уже не выступали на «кругах»). Если учесть, что из всех способов борьбы с врагами казаки предпочитали самые радикальные и простые, то понятно, почему споры на «кругах» нередко решались методом «стенка на стенку».

Кровавые схватки, как правило, начинались после того, как одна из сторон обвиняла другую в «измене». В XVII веке на Дону под «изменой» понимали предательство (переход на сторону «басурман» или дружба с ними во время войны), отход от православия (в том числе еретичество, а с 80-х годов XVII века ещё и защита «старой веры»), государственные преступления (хула на царя, казачество в целом и войсковую администрацию, организация мятежа, невыполнение царских указов и распоряжений Войска), наконец, нарушение казачьих традиций (к примеру, запрета пахать землю) и даже уголовные преступления (например, убийство казака из корыстных побуждений)¹².

Мера наказания в этом случае была одна — смертная казнь. Но вот лишали жизни осуждённых по-разному. Одних зашивали в мешок с камнями и бросали в реку — это называлось «в куль да в воду». Других вешали за ноги вниз головой на дереве или столбе («якоре»). Третьих расстреливали, четвёртым отрубали голову. Однако наиболее часто в отношении «изменников» применялся такой приговор: «бить и грабить». Осуждённых тут же, в «кругу», забивали насмерть дубинами, трупы их бросали в реку или овраг, имущество конфисковывали, а затем делили.

При большом желании и некоторой удаче обвинить в «измене» можно было кого угодно. Поскольку приговор, как правило, приводился в исполнение немедленно, то обвинители, оказавшись на «кругу» в большинстве, брали на себя роль не только судей, но и палачей. Впрочем, если решение не проходило и обвинение формально оказывалось ложным, то «изменниками» могли тут же стать и сами обвинители.

Итак, самым популярным способом разрешения конфликтов в «казацкой республике» было насилие. В январе 1671 года казак Р. Калуженин так повествовал о «методах работы» С. Разина: «И на весне, как лед вскрылся, приезжал он, вор Стенька, в войска в Черкасской городок со многими ж людьми и учёл в кругу всякие воровские слова говорить (призывал к восстанию. — *О. У.*), и которые атаманы и казаки говорили ему встращно, и тех он побивал и в воду метал, и жильца Герасима Овдокимова (царского посла. — *О. У.*) посадил в воду; а им де, казаком, управитца с ним было некем»¹³.

Впрочем, казацкий «суд Линча» никогда не превращался в массовые репрессии. Судя по источникам, во время схваток на «кругах» редко погибало более десяти человек. И это понятно. Если одна сторона без боя подчинялась воле большинства, казней могло и не быть. Если же пускались в ход дубины, то оставшиеся в меньшинстве, разумеется, не дожидались, пока их перебьют, и разбегались. Погибал тот, кто не успевал убежать. Но и после этого над проигравшими висела угроза смерти, если они не винулись или не получали прощения. «Милость к падшим» обычно проявлялась тогда, когда победители не могли похвастаться абсолютным преимуществом в силе. Так было, например, в 80-х годах XVII века, когда на Дону шла борьба между сторонниками «старой веры» и официального православия¹⁴.

Итак, знакомство с жизнью «Донской республики» периода её расцвета показывает, что казацкий вариант «народовластия» трудно назвать демократическим в современном смысле этого слова. Равноправие казаков было во многом формальным, условным, к тому же оно базировалось на бесправии остального населения Дона (в том числе и женщин). Господство обычного права открывало простор для «законного» произвола. На Дону в XVII веке фактически господствовал принцип: «Кто силён, тот и прав».

Таким образом, если мы хотим с пользой применить опыт казацкого самоуправления, нам лучше не копировать его, а действовать методом «от противного».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: Сватиков С. Г. Россия и Дон (1549—1917). Белград. 1924. С. 1—2.
2. Там же. С. 29; Дружинин В. Г. Раскол на Дону в конце XVII века. СПб., 1889. С. 14—15.
3. РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1690 г. Ед. хр. 2. Л. 7 об.
4. Сухорукое В. Д. Историческое описание земли Войска Донского. Новочеркасск, 1903. С. 392—393; Краснов Н. И. Исторические очерки Дона // Русская речь. 1881. № 1. С. 88.
5. Сватиков С. Г. Указ. соч. С. 32; Павленко Н. И. К вопросу о роли донского казачества в крестьянских войнах // Социально-экономическое развитие России. М., 1986. С. 72—73.
6. См.: Рознер И. Г. Антифеодальные государственные образования в России и на Украине в XVI—XVIII вв. // Вопросы истории. 1970. № 8. С. 51; Крестьянская война под предводительством С. Разина. М., 1954. Т. 1. С. 131—132; М., 1959. Т. 2. Ч. 2. С. 84.
7. См.: Дополнения к Актам Историческим. СПб., 1872. Т. 12. С. 157, 163, 165; Исторический архив. 1960. № 6. С. 141; РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1700 г. Ед. хр. 15. Л. 3; 1702 г. Ед. хр. 9. Л. 2.
8. См.: Дополнения к Актам Историческим. С. 186.
9. РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1700 г. Ед. хр. 2. Л. 14—30.
10. Там же. 1698 г. Ед. хр. 3. Л. 2.
11. См.: Крестьянская война под предводительством С. Разина. М., 1962. Т. 3. С. 351; РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1693 г. Ед. хр. 12. Л. 3.
12. Щелкунов С. З. Преступления против «войска» по древнему казачьему праву // Сборник Областного Войска Донского Статистического Комитета. Новочеркасск, 1908. Вып. 8. С. 166—167.
13. Крестьянская война под предводительством С. Разина. Т. 2. Ч. 2. С. 98.

14. См.: Дополнения к Актам Историческим. С. 134, 140, 165, 176—177, 179, 183—184.